

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Евгении Сергеевны Зайцевой «Эволюция римского
сенаторского сословия в IV–VI веках: просопографический аспект»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (история Древнего мира и
Средних веков)

Диссертация Евгении Сергеевны Зайцевой, представленная к защите, выполнена в традициях социальной и интеллектуальной истории, мы могли бы даже сказать шире – структурной истории, когда исследователь рассматривает некий структурный объект, а не последовательность событий, в данном случае – позднеримское итальянское сенаторское сословие, т.е. отдельную группу общества. В этой связи сразу отметим, что во Введении автору следовало бы заранее уточнить, что он будет рассматривать материалы только по западным провинциям поздней Римской империи – дело в том, что само *название* работы предполагает изучение процессов как на западе, так и на востоке империи, поэтому, как нам кажется, во Введении автору все же необходимо было более четко обозначить не только временные, но и географические рамки своей работы.

Важно отметить, что Евгения Сергеевна использовала в своей диссертации историко-антропологический и имагологический методы исследования (с. 32), т.е. те подходы, которые как раз активно применяются в различных школах и направлениях социальной истории, прежде всего – школы Анналов. Позволим себе заметить, что на сегодняшний день данная методика представлена и отработана не только в трудах франкоязычных исследователей (конечно же, «классики» жанра – Жак Ле Гофф, Жорж Дюби, Эммануэль Ле Руа Ладюри, в англоязычном и франкоязычном антиковедении их методику поддерживали или поддерживают А. Шастаноль, М. Зальцман, А. Кэмирон, М. Арнхейм, Т. Барнс), но и в трудах немецкоязычных исследователей (Отто Бруннер, Отто-Герхард Эксле, в современном

немецкоязычном антиковедении – Ойген Флайг и Дирк Шлинкерт, к монографии которого автор активно обращается в своей диссертации).

Диссертант не просто учитывает выводы различных исследователей, но и творчески переосмысливает их, всегда придерживается своей сюжетной линии, своей логики рассуждений и, как результат, последовательно аргументирует свою позицию. Выводы Евгении Сергеевны, как мы полагаем, основаны на солидной и внушительной источниковой базе, особенно отрадно, что диссертант уделяет центральное внимание надписям, т.е. эпиграфическим источникам. Сведения эпиграфического материала, в основном из Италии и Галлии, позволили автору более четко и подробно восстановить карьерный путь многих сенаторов, отличившихся на государственной службе, а это, в свою очередь, дало автору возможность определить жизненные стратегии позднеримских аристократов, их географическую локацию, матrimониальное поведение, именную номенклатуру.

Для достижения поставленных задач Евгения Сергеевна сгруппировала весь собранный и рассмотренный ею материал в большую просопографическую базу данных (совокупность досье на каждого персонажа, упомянутого в источниках, прежде всего, в надписях), а также составила несколько таблиц, которые в удобной и наглядной форме позволяют отследить динамику демографических, матrimониальных и карьерно-административных процессов в деятельности сенаторов, позволяют увидеть смысл изменений в развитии итальянского позднеримского сенаторского сословия.

Позволим себе не повторять и не пересказывать содержание глав диссертации и основные выводы Евгении Сергеевны, сосредоточимся на сюжетно-тематическом и структурно-композиционном плане ее работы, а также на методологии самой процедуры исследования. Рассматривая титулатуру позднеримских сенаторов, диссертант отмечает, что многие титулы, и особенно – *vir clarissimus* и *vir spectabilis* – к началу V в. потеряли

свой престиж и реальное административное значение, четкую связь с какой-либо определенной должностью или просто определенным набором полномочий (с. 41). Но, на наш взгляд, утрата связи между титулом и должностью, своеобразная девальвация позднеримской придворной титулатуры прослеживается уже к середине IV в. – к примеру, уже тогда, как показал Р. Шарф, титул комита (*comes*) не подразумевал владение какой-либо четкой, строго определенной должностью или исполнение административной службы, не обозначал принадлежность его носителя к высшим (центральным) бюрократическим структурам управления. По сути, любой чиновник, как военный, так и гражданский, уже к середине IV в. мог получить от императора тот или иной почетный титул, но этот титул не вел автоматически к повышению должностных полномочий, расширению функций и переходу чиновника в более высокий круг политической элиты.

В плане исследовательской литературы заметим, что, на наш взгляд, диссидентанту следовало бы обратиться и к монографии Д. Хеннинга, изданной в 1999 г. и посвященной политическим элитам западной половины империи в период с 454 по 493 гг., в том числе – и западноримскому сенаторскому сословию. Вместе с тем, Евгения Сергеевна внимательно отслеживает процесс, который весьма часто выпадает из поля зрения немецкоязычных исследователей, традиционно сосредоточенных на проблемах политической и административной истории, но активно изучается в англоязычной историографии – мы имеем в виду представления самих аристократов и их современников о знатности, благородстве происхождения, о критериях знатности как таковых в позднеримский период (с. 45–65).

Особенно важно подчеркнуть, что Евгения Сергеевна обратилась к сведениям Иеронима Стридонского (с. 54–66) – того автора, трудам которого сравнительно редко уделяют внимание в отечественной историографии при изучении политических и административных сюжетов, диссидентант ставит вопрос об отношении Иеронима к сенаторской аристократии, детально прослеживает, какие сенаторские семьи Иероним упоминал в своих

произведениях, и самое главное – восстанавливает примерный круг общения отца Церкви, рассматривает, с представителями каких сенаторских родов Иероним состоял в длительной переписке и какие темы он затрагивал в этих письмах.

Тем не менее, мы не можем согласиться с позицией диссертанта о том, что на сегодняшний день отсутствуют «источники, авторами которых являлись бы сенаторы» (С. 46) – с полным основанием мы можем признать такими источниками письма и панегирики Квинта Аврелия Симмаха (ок. 340–402 гг.), прославленного итальянского сенатора, представителя древней патрицианской аристократии, который активно общался и с другими сенаторами, и с императорами, и с чиновниками центральной администрации западной половины империи. В своих письмах к этим персонажам Симмак как раз очень активно обсуждал и вопросы знатности (благородства), и проблемы воспитания (образования) сенаторов, моральные нравы и политическую деятельность представителей своего сословия. Мы полагаем, что разбор сведений Симмаха применительно к этим сюжетам позволил бы Евгении Сергеевне сравнить и сопоставить две точки зрения позднеримских интеллектуалов о признаках знатности – позицию, которую высказывали сами сенаторы, и позицию, которую высказывали представители других групп населения, по сути – взгляд изнутри и снаружи.

В то же время значительные перспективы открывает тезис автора о том, что многие позднеримские сенаторы приписывали себе происхождение от легендарных мифологических персонажей (таких, как Эней или первые римские цари) не с целью создания ложной генеалогии, а с целью достижения определенного риторического эффекта – подчеркнуть степень своей знатности, авторитет и престиж своего рода, и дополнительно продемонстрировать свои риторические способности, когда имя Энея само по себе рассматривалось как почетный эпитет, некий синоним знатности (с. 66–70). На наш взгляд, благодаря такому подходу Евгения Сергеевна показывает новые аспекты *риторической культуры* многих позднеримских

интеллектуалов, обращая внимание уже не столько на содержание идей, сколько на их словесное выражение – действительно, как справедливо замечает диссертант, родство с мифологическими героями, которое часто приписывали себе позднеримские сенаторы, вряд ли можно считать аргументом против самой их знатности, вряд ли эти вымышленные генеалогии опровергают сам знатный статус позднеримских сенаторов.

В целом, подчеркнем, что диссертант очень внимательно относится к вопросу о терминах, на протяжении всей работы Евгения Сергеевна тщательно отслеживает, как в источниках менялось значение тех или иных терминов, связанных со статусом знатности, стремится четко определить, что можно понимать под феноменом знатности в тот или иной период. Очень важно, что автор не ограничивается только формальным (юридическим) пониманием смысла знатности – она относит к числу сенаторов не только лиц, обладавших почетными придворными титулами (*vir clarissimus*, *vir spectabilis*, *vir illustris*), но и лиц, которые обладали высоким уровнем дохода и крупным земельным имуществом, занимали крупные государственные должности в центральном аппарате управления и получили преимущественно риторическое образование (с. 47–51, 54, 65).

Другими словами, при формировании набора критериев принадлежности к сенаторскому сословию диссертант учитывает не только точки зрения современной историографии, что вполне естественно и неизбежно, но и представления самих позднеримских авторов, органично сочетает правовой и социopsихологический подходы. Вместе с тем, как нам кажется, трактовка, предложенная Евгенией Сергеевной, в свою очередь, подводит к выводу, что, по сути, единственным твердым, стабильным и безусловным признаком принадлежности к сенаторскому сословию даже на западе империи был титул, т.е. тот почетный эпитет, который чиновник получал от императора (с. 3, 39–40, 65). Именно в этой идее, на наш взгляд, наиболее ярко выражена перспективность подхода Евгении Сергеевны – фактически, как показывает диссертант, даже на западе империи к середине

IV в. сенаторская аристократия стала служилой по своему «кадровому» составу, в основном она пополнялась чиновниками центральной и провинциальной администрации. В общей сложности, по подсчетам Евгении Сергеевны, эти чиновники были представителями 18 сенаторских родов, некоторые из чиновников занимали различные административные и финансовые должности в муниципальных советах городов Италии и северной Африки (с. 88, 91, 94, 97, 101–103, 105, 124, 138–139).

Вместе с тем, некоторые особенности структурно-композиционного плана работы и выводы, касающиеся трактовки сведений отдельных источников, вызывают у нас вопросы и нуждаются либо в расширении, либо в уточнении. В начале параграфа 3 главы III, который посвящен проблеме взаимоотношений сенаторов и императорской власти на западе империи, Евгения Сергеевна прямо отмечает, что она рассмотрит данную проблему на примере только одного сюжета – судебных процессов против сенаторов, проходивших в Риме в 370–371 гг. (с. 218, 220). Тем не менее, в названии своей работы Евгения Сергеевна обозначила более широкие хронологические границы – IV–VI вв., т.е. три столетия, соответственно, для изучения такого крупного вопроса, как особенности взаимоотношений сенаторов и императора в западных регионах империи, недостаточно обращаться только к одному сюжету, необходимо рассмотреть и сопоставить по крайне мере два-три сюжета из разных временных периодов, чтобы выявить динамику взаимоотношений двух центров власти.

В другой же части работы – в параграфе 2 главы I, посвященном проблеме знатности сенаторских родов, Евгения Сергеевна, рассматривая сведения Иеронима, отмечает, что в основном отец Церкви призывал своих адресатов из круга сенаторов читать произведения христианских авторов и воздерживаться от чтения языческих (с. 58). Сам по себе вывод не вызывает у нас принципиальных возражений, тем не менее, как мы полагаем, диссертанту следовало бы учесть выводы М. Ревеллио, которая в своей статье показала, что Иероним часто обвинял себя в склонности к чтению

языческих авторов (в основном Цицерона), признавал, что он сам увлекался риторикой и находился под влиянием ее слов, образов и сюжетов. На наш взгляд, учет выводов М. Ревеллио позволил бы Евгении Сергеевне проследить, как Иероним сообщал сенаторам о своих литературных предпочтениях, в какой форме он аргументировал, и, если можно так сказать, пропагандировал эти предпочтения, и насколько часто приводил сенаторам в пример свой собственный путь интеллектуального становления.

Перечисленные замечания носят рекомендательный характер и ни в коей мере не преуменьшают вклад диссертанта в изучение выбранной им темы и объем выполненной работы. Несомненно, своим содержанием диссертация Евгении Сергеевны в значительной мере обновляет накопленные в историографии знания о сенаторском сословии поздней Римской империи в ее западных провинциях – принципиальной новизной исследования мы считаем анализ сведений и составление внушительной просопографической базы данных по биографиям 463 представителей сенаторской аристократии, эти персонажи принадлежали к 68 различным знатным родам (семьям).

Детально рассмотрев весь собранный материал, Евгения Сергеевна пришла к итоговому выводу, что в IV–VI вв. сенаторская аристократия в своей основе все еще оставалась античной, поскольку она так или иначе была связана с муниципальными структурами управления, т.е. с муниципальными советами городов различных провинций империи (С. 32–33, 102–103). Именно этим выводом, как нам кажется, Евгения Сергеевна в значительной мере меняет сложившиеся в историографии представления о развитии позднеримского сенаторского сословия на западе империи.

Несомненно, диссертация Евгении Сергеевны может быть использована при изучении бюрократических структур управления поздней Римской империи, в равной мере она позволяет уточнить особенности титулов и рангов позднеримской придворной иерархии. Конечно же, материалы диссертации могут быть использованы и в университетских

курсах по истории и источниковедению поздней Римской империи, особенно в плане деятельности различных политических институтов и социальной структуры западной половины империи.

Все вышеперечисленные наблюдения дают нам основание заключить, что, во-первых, своим содержанием диссертация Евгении Сергеевны Зайцевой «Эволюция римского сенаторского сословия в IV–VI веках: просопографический аспект» полностью соответствует специальности 07.00.03 – Всеобщая история (история Древнего мира и Средних веков), по которой она представлена к защите, во-вторых, диссертация полностью соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в Уральском федеральном университете. Поэтому мы полагаем, что Евгения Сергеевна Зайцева заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук по указанной выше специальности.

Официальный оппонент:

Мехамадиев Евгений Александрович,
доктор исторических наук,
старший преподаватель

кафедры истории Средних веков
Санкт-Петербургского государственного университета

Адрес:

199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
ул. Университетская набережная, д. 7/9,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»,
Институт истории, кафедра истории Средних веков

Сайт: <https://spbu.ru/>

Тел.: (812) 363–60–00 (6412)

E-mail: e.mehamadiev@spbu.ru

09.08.2021 г.

ПОДПИСЬ
зайцева Е.О.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ

09.08.2021